

Елизавета Курдикова

Возбранная кровь

Стихотворения



Оренбург
2020

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

К 93

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей



Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Елизавета Курдикова. Возбранная кровь. Стихотворения. — Оренбург:
Издательский центр МВГ, 2020. — 72 с.

ISBN 978-5-907297-29-6

12+

© Елизавета Курдикова, Стихотворения, 2020 г.
© Издательский центр МВГ, 2020 г.

*Андрею Евгеньевичу Федосову (Киберпопу)
с глубоким уважением и дочерней любовью
посвящаю*

* * *

Отдаётся разлука в виски,
Током крови, горячим набатом,
Я лечусь от постылой тоски
То слезами, то смехом, то матом!

Пощади, позабуди, позабавь —
Не бери за холодную руку,
В миражи укрывается явь
И на радость зовёт, как на муку!

Мне, не знавшей салонных утех,
Не выдавшей дворянского бала,
Отродясь предостаточно тех,
С кем делю нераздельность бокала.

* * *

Так жесток наш милостивый крах,
Не дождёшься страшного ответа...
На семи заоблачных ветрах
Ты затеплил таинство рассвета.

И скрипит высокая мораль
На холёной плоскости винила,
Вероломный бешеный февраль
Допивает дымные чернила.

Приуныл постылый Интернет
В час предчувствий и предвосхищенья...
Не жалея, ведь будущего нет
На повторном круге воплощения.

Позабудь про фарт и про азарт,
Про комфорт на тридцать три квадрата...
Полыхает вертикальный старт,
Преломив исходную возврата.



* * *

Я несу до последнего вздоха
Снегопады усталых небес,
Пусть смеётся гуляка-пройдоха,
Свирепеет неистовый бес!

За бессонным седьмым километром
Одичалой судьбе напрямик
Он оскольчатый яростным ветром
Перережет отчаянный крик.

Обречённо застынут сугробы
И со скрипом оглохнут леса,
Спит в объятиях зимней хворобы
Евразийских широт полоса.

Белым пламенем стелет пороша,
Придорожные тянет столбы,
Невесомая тяжкая ноша
Неразгаданной русской судьбы.

* * *

Почему так гулко в голове
И в груди пустынно и бескровно?
Прохожу по выжженной канве,
Где прямые плаваются неровно.

Параллели падают внахлёт,
Помышляет правда об обмане,
Где над Стиксом деревянный мост
Вековечно прячется в тумане.

Там зеркалит отсвет маяка,
Там ветра в заманчивости губы,
Там стихи сорвутся с языка,
Разбивая ссохшиеся губы.

* * *

Горчит побережная ива,
Но сладостно плачется мне
Под лаской степного огнива
На неуголимом огне.

Испить не давали водицы,
Наполнили жаждой бадью,
Туда, где растают границы,
По волнам направлю ладью.

Туман распластался клоками,
Разлука туманы влечёт...
Я черпаю вечность руками,
И время сквозь пальцы течёт.

* * *

Опять болит Адамово ребро
Тысячелетней ноющей болью...
Не прячь улыбку, мой усталый Бро,
Коль мы клялись всевластной любовью!

Сквозит луна в разрезе облаков —
Круговорот привычной сценограммы,
Седая хмарь готических веков,
Оскольчатая иконопись рамы.

Восстань, рассвет, навстречу нам гряди,
Непроходимый сумрак попирая!
Как никогда, забрезжил впереди
Сквозящий луч покинутого рая.

Ты вспомни, Бро, как тлела бирюза,
Летел бесплотный пепел по левкою!..
Очерченные вечностью глаза
Тебе закрою ласковой рукою.

* * *

Однажды вкусившая волжской воды,
Я жажду её и поныне.
Наполнились ветром и снегом следы
На зыбкой песчаной твердыне.

Нигде я такой не пила отродясь,
Другой мне вовеки не надо,
Из полной горсти я отведала всласть
Холёного пенного яда!

Завыл теплоход и растаял вдали,
Заводы раскинули трубы,
И белые-белые сны замели
Мои пересохшие губы.

* * *

Сжала сердце в кулак и отжала от горестной крови,
И холодные губы сомкнули отчаянный смех...
Мать-дубрава, не хмурь листовые дремучие брови,
Мать-дубрава, не выдай давно исповеданный грех!

Защити, успокой, чтоб защиты вовек не просила,
Не искала забвенья в твоём милосердном раю,
Одичалым глубинам речного заветного ила
Колыбельную ветра забытым напевом пою.

Опустелую грудь не настигнет земная разлука,
Безысходная ночь не напомнит о тленности дня,
И никто не солжёт, дескать, сладостна дерзкая мука:
У подножья бессмертия ждать зоревого огня.

* * *

Куда держу последний путь
Сквозь сонный буерак?..
Изрешетил девичью грудь
Шальной свинцовый мрак.

Покорная, прияла тьму
Библейских ножевых,
Но по глаголу твоему
Я остаюсь в живых!

Несокрушима жизни власть,
Попутный ветер лих,
Покуда мир не выпил власть
Отчаяний моих!

Исконно дьявольский кураж,
Лютее не найти —
Веками длить километраж
Последнего пути.

* * *

Он исчезнет за полустанком,
Отходя к безмятежному сну,
Твой вагон, взрывающий танком
Эту обморочную белизну.

Путь держи от Альфы к Омеге,
Он познал суеты тщету,
Забывает о вечном беге,
Погружается в темноту.

Осыпая кристальное время
В бесприютный плацкарт-уют,
Пусть луна ему смотрит в темя
И созвездья ему поют.

Он взлетит из тревожной дали,
Презирая грядущий день,
И его вуалью печали
Накрывает ночная тень.



* * *

Я склоняю покорно главу,
Страхом смерти отныне не мучась,
Словно шутку, а не нет — наяву! –
Принимаю жестокою участь.

Наигравшись с безумной судьбой,
Я доспехи надену на плечи,
И она поведет за собой
В ту страну, что отсюда далече.

Знаю, в том безнадежном краю
Ветры буйны, орудия остры...
Мы сойдёмся в последнем бою:
Поединщицы, смертницы — сёстры.

* * *

Твой приговор: помиловать нельзя!
Ни милости, ни жертвы мне не надо!
Крамольной картой выпала стезя
Июльски безоглядного разлада.

Ау, дружок, ты где? В Караганде!
Караганда за первым поворотом!
Ты доверял заманчивой беде,
Ты жизнь прожил беспечным обормотом!

Нет никаких проторенных дорог,
Бесслёзных глаз, бензинного угара,
Но, отхлебнув дотла сожжённый грог,
Мигает пьяно выбитая фара.

И попадись случайно на глаза —
Не удержать, не выдержать повтора:
В последний раз откажут тормоза,
Не убедясь в исправности мотора.

* * *

Не одолела одолень-трава —
Огонь-ветра вершат перевороты,
Ты знай качай наследные права,
Да знай ищи на смертных укороты!

Мятежный дух властительной степи,
Сарматский ангел смертного покоя,
Державным зноем свято укрепи
Врата Аида, чёрные от зноя.

Куда земным тягаться с вами тьмой,
Куда девать исконную отвагу —
Идут по миру с гордою сумой
И пьют дождя насмешливую брагу.



* * *

Неужели я вправду сходила с ума,
Больше памяти знает молчанье,
Возвела терема ледяная тюрьма,
Отстояла с морозом венчанье.

Отгорела, упала свеча на рушник,
И метель закружилась с бокалом,
И подруга-соперница — чёрный двойник —
Улыбнулась звериным оскалом.

Восходила заря, поднималась заря,
Петухи по околицам пели,
Потерял мой набат своего звонаря
В ледяном обескровленном теле.

* * *

1.

Бросаю сермяжное вето
На ветхий отеческий дым,
Прощай, оренбургское гетто,
Никто не умрёт молодым!

Напустим вечернего смога,
Знобящей предутренней мглы,
К явлению высокого слога
Молчанье забилося в углы.

Под бременем сонного снега
Зверьём завывает верста,
И заупокойная нега
Иудой лобзает уста...

2.

Не искупить, не отстрадать,
Не выдохнуть, не перебиться,
Гоню забвенья благодать,
Да разве ж можно тут забыться?!..

В буранном зареве продрог,
Монументальной год от года,

Осточертелый мой чертог,
Первопроходная свобода.

Бесхозно-барские поля,
Собор дурных «интеллигенций».
Провинциальная петля —
Ни откупа, ни индульгенций.

* * *

А. У.

Твой отец тобою был бы безумно горд...
Он, прищутив левый, одну за другой курил,
Но стальные нервы изветрил столичный норд,
Выжигая вокруг всё то, что он так любил.

Закипала гордая кровь, приливая к его лицу,
И прости-прощай богемный треклятый раж —
Он тебя передал на руки другому отцу
И, приняв на грудь, покинул земной мираж.

Между трёх пожаров державно ковалась стать,
От коньячной печали всегда отпивая треть, —
Виноватой улыбкой тебя согревала мать,
Не оставив шанса до искры не догореть.

* * *

Лобзаю длань владыческому гневу,
Заплачь по мне, сыра-темна земля:
Бессмертье отдала за королеву,
А умирать пошла за короля.

С ним, дерзновенно шествуя на равных
Тернистой сенью тюрем и дворцов,
Скорбели мы над поруганьем правых
И восторгались мудростью глупцов.

Сквозь безысходность плыли по теченью,
Оскалился бунтующий вассал,
И вольную земному отреченью
Властитель милосердно подписал.

И, доиграв обманчивое скерцо,
Мне закрывая поцелуем рот,
Он вырвал верноподданное сердце
И вместе с ним взошёл на эшафот.

* * *

Рядом с Вами беда — не беда,
Скоротечны прибои-тревоги!
Полыхает зарёй лебеда
У беспутной житейской дороги.

Где шальной васильковый привет
И медвяное марево ночи,
Где отыщется верный ответ
На безмолвные милые очи!

Я пойду напролом, напрямки,
Вспоминая, что были вначале
Мановением Вашей руки
Озарения росной печали.

Безнадёжно шумит у виска
Всесожжений мирская пучина,
И сожмёт кольцевая тоска,
И разлучная грянет кручина.

Мчится счастье, в бубенчик звеня,
Извивается пламенной плетью,
Помяните с лихвою меня,
Уходящую в даль лихолетья.



* * *

*Великому князю
Георгию Александровичу
Романову*

Датский принц — российский великий князь
Высочайшей волей царёва указа.
Бьётся-вьётся небес роковая бязь
От столицы северной до Кавказа.

Спи, царевич, кручину-золу развей,
Позабудь золотые ветра обмана,
Предрассветным ливнем наследной крови твоей
Обагрятся тучные земли Аббас-Тумана.

Но покуда Зимний бальные жжёт огни —
С погребальным пенъем под сводами кружат птицы,
И паркеты стонут, только по ним шагни,
Под крылатым шлейфом юной императрицы.

* * *

Поэзия — путь одиночеств,
Тернистый эдемский удел,
Свершенье библейских пророчеств,
Духовных дерзаний предел.

Старинная это примета —
Маня золотым калачом,
Овации нового света
Проходят сквозь сердце мечом.

Гулящая, смейся, огласка,
Стони, стенобитный таран!
Ни травля, ни алчная ласка
Не тронут запёкшихся ран.

Арена трясётся от рыка,
И хочется молвить в ответ:
Прости, всемогущий Владыка,
Премудрый всещедрый поэт!

Истаяла райская манна,
Безмолвствует Родина-мать,
Стократно кричащим «осанна!»
Ещё предстоит предавать.

* * *

На бранной жатве колосом пребудь,
Ему дана возвышенная воля...
День ото дня мне сотрясает грудь
Сердцебиенье Куликова поля.

Задав атаке совершенный тон,
Морской волной смятения мирского
Кипел кровосмешеньем Тихий Дон
Под стягами Дмитрия Донского.

Предвосхитив земные чудеса
Победоносной животворной сечи,
Акафистом вонзались в небеса
Огня и стали доблестные речи.

И замирал предвечной славы свет,
Когда в глаза обманутым плебеям
Голубоглазый юный Пересвет
На жизнь и смерть братался с Челубеем.

* * *

На дерзновенные разборки
Те, кто в стихах ни «ме» ни «бе»,
Тупые оренские орки
Заслали равного себе.

Но восхитительная участь —
Отбить карающий удар,
Стремглав сорваться в неминуемость,
Принять с улыбкой подлый дар!

Ярится свора, пышет свара —
Банальный жизненный сюжет:
Сдержат немыслимость удара
Янтарной запонкой манжет.

Мой алчный недруг, сладко мелешь.
Знать, по тебе тоскует плеть,
Ты так надрывно честь имеешь,
Что лучше — вовсе не иметь!

* * *

Держу удар, но противоударный
Давно иссяк мой золотой запас,
Иду шататься полночью фонарной,
Иду тревожить полусонных вас.

Я тот запас транжирила с лихвою,
Кому забить нечаянный упрёк,
Что гордое терпенье роковое
Полосовали вдоль и поперёк,

Что не страшат неравные потери,
Что смерть законно прибрала бразды?
Да посрамятся жалкие тетери —
Я не желаю справедливой мзды!

* * *

Нарушая устои порядка,
Городской попирая устав,
Я лечу над тобой, Ленинградка,
Я воздушный освоила сплав!

И какая же лёгкость и сила,
И святая свобода в крылах!
Мне поют неземные светила
И качают на волжских ветрах!..

И столетья летят вереницей,
И плывут маяки-фонари,
И восходит имперской Жар-птицей
Огневое смятенье зари!..

Но хохочет судьбина-паскуда,
Вероломно пытается врать,
Что я сброшена буду оттуда
На бессонно-степную кровать.

* * *

Не расстанусь с угрюмым накалом
Оренбургских родимых земель,
Хоть до края расстанным бокалом
Вдарил в голову висельный хмель.

И сомкнулись бессонные выси,
Не пролив благодати дождя,
Мчатся конники ветреной рысью
И везут огневого вождя.

Не расстанусь — заказаны дали,
Где пирует на смерть саранча,
Не тебя ли сыны покидали,
С молодецкого сбросив плеча?

Шли к целинным глухим полустанкам,
Выбирая дороги — Бог весть!
Сотоварищей бранным останкам
Отдавая последнюю честь.



* * *

Испокон веков длится сей полон,
Вольно-ссылная, трижды клятая,
Степь моя, тебе — до небес поклон,
Горем литая, ветром ятая!

Ты красавица, душегубица,
Не скупись, душа, на кручинушку!
Знай тебе огнём всех голубится,
Знай тебе ковыль, что перинушка!

Сон-трава шумит — кандалы гремят,
Ураган тебе ткёт обновушки,
Да уста твои всё алчбой горят:
Ненасытная, чаешь кровушки!

А заря взойдёт — из ковша плеснёт:
Утолишь разбойница да расстанница!..
Ой, ложись ты, степь, под кровавый гнёт,
На покой ложись, бесприданница.

* * *

Распевные метели,
Расстанные снега,
Хотели — не хотели,
А на́жили врага!

Мужицкого мороза,
Степного шатуна,
От квасного навоза
До красного вина.

На дровенки берёзы,
На праздник каравай,
До дна осушат слёзы
И крикнут: «Подливай!».

Развенчаные страсти
Прощаний у крыльца —
Разгул всесильной власти
Нахального дельца!

Кабачкою повадкой
Наброшена на ель,
Под ласковою хваткой
Отмучилась метель.

* * *

Омыта бутафорскими слезами,
Осмеяна овацией удач,
Душа моя, ты спишь под образами,
Душа моя, восстань от сна и плачь!

Захлёбываясь пылью закулисы
И судорожно сглатывая мрак,
Взгляни вперед: хохочет морда лисья,
Оскалился выдавший виды фрак.

Ощерилась тревога коридора,
Прищурились далёкие миры —
Скупую неизбежность приговора
Тебе не зачитают до поры!

Заблудший поезд дремлет у вокзала,
Тоскует вечность на высокий лад,
В бездонный омут зрительного зала
Ты сорвалась столетие назад.

* * *

Вы-то вольницы мне, затворнице,
Вихрем буйным взлететь не можется,
Подойду к закатной околице
Да поплачу, а там — как сложится.

Не помогут туманы хладные,
И не выручат ливни вешние,
Всё-то вольницы — девки ладные,
Да завидно и сладко грешные!

Вам и слёзы мои — забавушка,
Вам и смех мой — речушка горная,
Ой, шуми ты, шуми, дубравушка,
Под ветрами склоняйся, гордая!

Заливается светом горница,
Под застрехой щебечет птицею,
И гуляет моя-то вольница
На четыре стены с божницею.

* * *

Здесь дружат Тора и Коран...

*Из гимна
города Оренбурга*

Дайте воздуха, дайте простора,
Город мой, я поникла от ран!..
Но смеется надменная Тора
И безмолвствует гордый Коран.

Поединок молитв и проклятий,
Всполох пыли, сиянье забрал,
Не отпустит из жарких объятий
Удушающий Южный Урал.

И разгульной заблудшей метелью
Отсечёт все земные пути,
Он приманит широкой постелью
И ветрами из щедрой горсти.

Но когда предрассветной порою,
Спотыкаясь о мёрзлую пядь,
Я бегу, — он встаёт предо мною,
Он добычи не хочет терять.

* * *

Д. К.

Улыбнись, печальная Диана,
Царственная хищная тоска,
Омутом небесного аркана
Полночь луноликая близка.

Не тумань задумчивые очи,
Не целуй кровавый ятаган!
Позабудь про ветреные ночи
Закордонных выдуманных стран!

К сумрачным нехоженным границам
Вновь приникли дикие поля,
Ты кочуй по огненным станицам,
Ты ночуй на гребне ковыля!

Эта ночь по-вешнему обманна,
Вольный норд наотмашь нынче губ!
Усмехнётся лунная Диана
Уголками выточенных губ!

* * *

Москва меня, увы, не ждёт,
Не отпускает алчный Орен,
Моих стихов внезапный взлёт
Неумолим, разлучен, вздорен.

Невыездная, в сотый раз
Терзаюсь дальнею дорогой,
Прицельным светом Ваших глаз,
Изменчивостью жизни строгой.

О, как далёк Сущёвский вал,
Присыпанный дорожной ложью,
Который с нежностью припал
К лихому вашему подножью.

Вот-вот возьмёт крутой разбег
Обманчивая вечность лета,
Но оренбургский скучный снег
Продолжит действие сюжета.

Меня моя Москва не ждёт,
Свой лёд не посыпает солью,
Сковал окно колючий лёд,
Который прежде был любовью.

* * *

А.У.

Не ревнуй поэта-маму
К слишком дерзкой, пришедшей мне.
Мы спалили эту драму
На сценическом огне.

Мне не быть с тобою нежной,
Да и есть ли в том нужда?
Станет дружбой неизбежной
Неизбежная вражда.

Поведёшь сурово бровью
И увидишь: мир притих —
Роковою волжской кровью
В нас рокочет русский стих!

Из разорванного круга
Мы идём на зов огня,
Тайна вечности, подруга,
Соплеменница моя!

* * *

В литературной адовой среде
Простите, братья, не взыщите, сёстры,
Мы все друг другу в счастье и беде
Враги, покуда перья наши остры.

Нас закалил лукавый литпроцесс,
Рука об руку с обществом и прессой —
Июньским ливнем запиваем стресс,
Закусываем манною небесной.

С богатых нас не взыщешь ни гроша —
Мы сердце проливаем на бумагу,
Красноречивой горечью дыша,
Разлуке подлой дали мы присягу.

Не от того-то мнится дуракам
Земной покой на бледных наших лицах,
Что, улыбаясь будущим векам,
Судьбу несём в ежовых рукавицах?

* * *

Когда-то давно, между прочим,
Неся вековую печаль,
По улицам чернорабочим
Господски разгуливал Даль.

Стихали кабацкие крики,
Скрипел утомлённый фонарь,
Тускнели оконные лики,
Сгущалась небесная хмарь.

Хлестали казацкие плети,
Ярились казачьи усы,
И очередное столетье
Опять пробивали часы.

Знаменем вещего мрака
Сменялся унылый конвой,
А тени высокого фрака
Бежали одна за другой!

И грезилась злая уловка,
И вспыхивал звездный металл:
Зияла ночная Беловка —
В другие эпохи портал...

* * *

Этот злой и весёлый гений,
Почивающий в барской неге,
Разумеется, он не Евгений,
И, конечно же, он — не Онегин.

Этот гений отнюдь не Ленский,
Хоть привил мне повадки стервы,
Он тоской задушит вселенской,
Он истреплет в хламину нервы.

По-хорошему — шёл бы лесом
(Шанс не стать подкаблучным «музом»),
Он кичится богемным весом,
Сам себе становясь обузой.

Разделивший с гордыней ложе,
Власть свободный и вечно пьяный...
А меня, да избави Боже,
Стать наивной ручной Татьяной!

Впрочем, как ни играй в игрушки,
Прочь уйти не хватает духу.
Усмехнётся незримый Пушкин,
И шепнёт мне: «Держись, старуха!».

* * *

Рифмовать ты умеешь, а толку?
В том поэзии нет ни шиша!
Обезлюдевшая втихомолку,
Истекает смятеньем душа.

Но какое поэзии дело
До нелепых твоих косяков?..
Обеднела башка, оскудела,
Неужели вовеки веков?

Ты, себя возомнивший поэтом,
Возгордился до самых небес,
Но при том, и при сём, и при этом –
Над тобой потешается бес.

Что же, милый мой, скажешь, не страшно
Утешаться безумием грёз?
Ты запойно-презренное брашно
Выше Слова в себе превознёс.

Ни отнять от тебя, ни прибавить,
Вот и весь незатейливый сказ!
Оставайся бутылочку славить
Заливанием ангельских глаз!



* * *

О тебе в прошедшем времени
Я, затейница, пишу,
Поизбавилась от бремени,
Сорвала с ушей лапшу.

Пил, гулял, валялся в скверике,
Врал... и прочая фигня,
Абстинентные истерики
Не разжалобят меня.

Был нулём — остался в минусе,
Без мозгов, да на коне,
Ехал косинус на синусе,
Вёл поллитру на ремне.

Не зови оперативников,
Не кляни меня на ять —
На позициях противников
Нам отныне не стоять.

С похмела стоишь, взъерошенный,
И дрожащий, словно мышь,
Поздней ночью в час непрошенный
Покаянно позвонишь!

* * *

Парадоксально, грубо, странно —
Мой недруг спас меня, карая,
Наверно, вправду слишком рано,
В аду живя, мечтать о рае.

Я б там упала с сеновала,
Но головой притормозила,
Эх, где моя не пропадала!..
Но недруг хмыкает: мазила!

Он трёт дебелие ладоши,
Злом на улыбку отвечая,
Я для него презренней воши,
Ведь я его не замечаю!

Пусть недруг распускает сплетни,
Пророча мне с азартом лихо,
Не первый раз и не последний
Встречаю я такого психа!

* * *

В будуаре спит одежда,
Спит парадное враньё,
На тебя одна надежда,
На тебе одно рваньё!

В путь собратся — полминуты,
Был бы киттен под рукой,
Тьфу ты, ну ты, ножки гнуты,
Слёзы скорые рекой.

От мейкапа до пикапа,
Челлендж принят, начат бой.
Вашу ручку — вот Вам лапа,
Милый лапотный плейбой!

Спину прямо, взор бодрее,
Голь на выдумки хитра,
В темпе вальса на Бродвее
Женихаются ветра.

За окном родные дали,
В голове высокий сюр...
Ой, подумаешь, видали
Профурсеток от кутюр!

* * *

Небесный свод покоен и покат,
И луч скользит и падает к порогу.
Уходишь ты в погибельный закат,
Великодушно веруя в дорогу.

И, уповая на вчерашний день,
Заранее не ведая грядущий,
Ты лобызаешь сладостную лень
На вечере весенней и поющей.

Не оставляй беспечного следа —
Житейская забывчивость привычна,
Неутолимо подлая беда
К тебе прицельно будет безразлична!

На властный жест протянутой руки
Небытию бросаешь: вот он весь я!..
Подруга-ночь запрётся на замки,
Цепную тишь спуская с поднебесья.

* * *

На царском троне смута-самозванка,
Укрыл трюмо завистливый подлог,
Юродствует холопья перебранка,
А слышится вельможный диалог.

В каминной тьме ни ангела, ни чёрта,
Но холодеют руки от огня,
Тасует карты подлая когорта,
Любовь и кровь скликаая на меня.

Со всех сторон бросаются на плечи,
Что обласкал усталый горностаи,
Былой приязни дерзостные речи,
Сварливый граи вороньих злобных стай.

Старо как мир, сиротский и державный,
Как скипетр под женскою рукой:
Сегодня кубок пенный и заздравный
Мне подданные пьют за упокой.

* * *

Я уйму отчаянье сердечное:
«Не рыдай, меня во гробе видяще!»
Ты ступай на небо присно вечное,
В путь земли неустрашимо видяще!

Пряником в закаты окаянные
Да восходят зори безмятежные,
Кличут нас раздольные медвяные
Берега эдемские безбрежные.

Где сложить бы головы болезные,
Но иная выпала планидушка —
Вспять поплыли годы наши слёзные,
Их бадьями черпает Аидушка.

Но рокочет горечь неустанная
На потребу молодецкой радости,
Ты стелись, дороженька расстанная,
Самобранкой незабвенной сладости!

* * *

Испепелён послушливостью долгой,
Из века в век, измаявшись, сгорать,
Ты пил из Волги — захлебнулся Волгой,
Она не прочь со смертными играть.

Тебе казалось: выбрался из лодки,
Но хороводит заводью беда,
И намертво заледенела в глотке
Бурлящая бурлацкая вода!

А берег стал колючим и непрочным,
И обернулся тинной стороной,
И проявился в зеркале проточном
Заокеанской призрачной страной.

Пусть говорят, что нет на свете муки,
Чтоб русский дух превозмогала плоть!..
Ты тянешь к ней натруженные руки,
Но невозможно омут побороть.

* * *

А. О.

Остуди наши страсти, Остудин,
Усмири запоздалый задор,
Но, перу твоему неподсуден,
Со страниц ухмыляется вздор.

А тем временем стонут бокалы
Фестивально-банкетных утех,
Испытуя глубины «Байкала»,
Мы дерябнем за этих и тех.

Но житейскую злую остуду
Обогреет фривольный коньяк,
Перебьём, перемоем посуду
И заглушим бессонный маяк.

По иронии вечного бега,
Мы себя для себя не вернём,
Друг от друга очнёмся, коллега,
Отсечённые шквальным огнём.

Здесь туман настоялся на перце
Да ковыль захмелел на корню...
Мёртвой хваткой вцепляется в сердце
Непонятное нам дежа вю.

* * *

В родной стране и мире целом
Назло дурманящей беде
Защитный круг рисуем мелом,
Круги пуская по воде.

В ребячьем вечном безрассудстве,
Бросая ставку на авось,
В непроходимом всераспутстве
Найти мечту не удалось.

К чему наивные потуги,
К чему моря посуху вброд?
В порочном прочном белом круге
Стоит на цыпочках народ.

* * *

Есть упоение в бою...

А.С. Пушкин

А.Е. Федосову

Я возьму на ладони усталое сердце твоё,
Буду нежно баюкать горячей смиренной молитвой...
Торжествует палач, кумачом обтирает копьё,
И стервятник хохочет над неутихающей битвой!

Ты ничем не поможешь, ты просто бессильна помочь —
Закипают на вдохе и стоном срываются слёзы,
И бессонным ознобом горит соловьиная ночь,
И глубинам пространства отчаянно шепчут берёзы.

Коль не может Вселенная праведной кровью истечь,
До конца, до безмолвия, до ледяного удущья
Бесприютная тьма вожделенно таится оплечь,
Неумолчно грохочут гееннские льды равнодушья!

И уходит обратно угрюмый жестокий собрат,
Путь-дорогу себе затуманив шальным фимиамом...
За могучим воскрылием царских сияющих врат
Выпал жребий высокий тебе, роковой — Авраамов!

Ты стоишь нерушимо на горнем отвесном краю,
Ты когда-то вот так же сюда забирался однажды...
Только сердце устало искать упоенья в бою,
И бескровные губы спеклись недоверием жажды.

* * *

С молодых ногтей не зная лучшей доли,
Противоречьем запасаясь впрок,
Взамен тоске по вещи вольной воле
Я полюбила отчий уголок —

Степной, сквозной, ковыльно-кумачовой,
Закутанный в закатные шелка.
Отчаянной дружине Пугачёвой
Я приходилась дочерью полка,

Последней безнадёгой и отрадой,
Неутолимой жаждою огня.
Мне по старинке радости не надо,
Когда нагайкой потчуют меня!

Как не назвать дочернею любовью
Ту, что зовут совсем наоборот?!
Горчила пыль и смешивалась с кровью,
И, обжигая, холодила рот.

* * *

Уходящий мой, неизбывный мой,
Не дерзаю звать с полпути домой.

Рушником зари зажимаю рот,
Там в огне лежит потаённый брод.

Подойди ко мне — не ходи за мной,
Не напьюсь вина, да зальюсь виной!

Окаянный плач вавилонских рек –
Ты легко меня на него обрек.

А темна вода разбивает грудь,
Поспешает вспять и кровавит путь.

Золотым веслом недосуг грести,
Ключевой туман утонул в горсти.

От глухого сна не очнётся брег,
Веселит тебя безысходный бег.



* * *

Очередная чокнутая муза,
Забудь про наш невыносимый сплав,
Я плюнула на пряники союза,
Я в бессююзность рухнула стремглав.

То кнут, то пряник, то грехопаденье —
Меня вовеки нечем соблазнить,
Когда от сердца до произведенья
Проведена бикфордовая нить.

Опять чеку отцепит от гранаты
Одно неосторожное словцо,
Ты так цензурно загибаешь маты,
Ты так забойно лопаешь винцо,

Что я смеюсь задорно и жестоко,
Забыв наутро, кто со мной тусил,
В бессилии житейского потока
Ищу приметы первозданных сил.

Но истари мне становилось ясно,
Что не бывать растерянной беде —
Высматриваешь жадно и пристрастно
Бессмертие в расстрельной череде.

* * *

Я супротив свиданий в Интернете —
Который час взираю в монитор,
Опустошилось счастье на планете,
На злобу дня заводится мотор.

А что ещё «едино на потребу»?
В уничижённом доблестном миру
Не восходить к мифическому хлебу,
А гужевать на падальном пиру?!

Дымится чат постылым празднословьем,
Не лезет в глотку элитарный чай...
Мы остаёмся висельным сословьем,
Сколь нас судьба на ручках ни качай!

Приворожит на детскую бирюльку,
На забытье парного молока,
И, утомясь, вышвыривает в люльку
На произвол чумного сквозняка.

* * *

Погас фонарный зябкий свет
На Волжском утреннем проспекте,
И вот меня на свете нет
И, в общем, не было на свете.

Прощай-прощай, сожму в кулак
По каплям собранную волю.
На веки вечные? — Пустяк!
Кого хоронишь? Бог с тобою!

Самара, горестный смешок!
Не вой по ней, разгульной девке,
Тебе ли в каменный мешок
На певчей ранней сходке-спевке?

Прощай, мой Кировский район,
Мои Антошка, Ленинградка...
Несбывчивый, забытый сон
Странноприимного порядка.

А впереди степная Русь,
Предзимних трасс унылых слякоть...
Прощай, Самара, я клянусь,
Что не посмею больше плакать.

* * *

Не гоношись, предательства молва,
Пока природным мужеством владею
Пресуществлять безмолвие в слова
И улыбаться в зубы лиходею.

Я не хочу медвежьего угла,
Вялотекущей вечности к надгробью,
Такие скорби в сердце завлекла,
Что остаётся тешиться над скорбью!

Штормит беда — ложись да подыхай!..
Но я верна воинственному нраву:
Вот злобный бездарь раздувает хай,
А значит,дохнуть не имею права!

Но, вольнодумный помысел кляня,
Гоня взашей беспутную примерность,
На линии прицельного огня
Сравниются предательство и верность.

* * *

Мне стремглав бежать — да некуда —
От полынного прибоя!
Неусыпно око беркута,
Неустанно бремя зноя.

А завьюжит — вовсе горюшко,
Сыщешь верную могилу,
Перейти широко полюшко
Оказалось не под силу.

Не отпустит, разыграется,
Пуще лешего закружит,
Знать, с нечистой силой знается,
Хорошо живёт, не тужит!

Что им жизнь моя пропащая
На привольном свете Божьем?!
Встала ночка, зорко зрящая
Над былинным тридорожьем.

* * *

Выходит месяц из небесных ножен,
Оцепенело всматриваясь вниз,
О, как давно ты не был осторожен:
Поди, поспорь с безумцем на каприз!

Поди, найди отважных, но зарытых,
По ком земля стучала из горсти...
Но от очей его полузакрытых
Я не могу прозренья отвести.

Покуда ночь не стает на рассвете,
Печалью озадачиваясь вновь,
Он жадно пьёт чермных тысячелетий
Младенчески дымящуюся кровь.

И, услаждаясь бдением беспробудным,
Укроется в надмирной тишине...
Неужто он когда-то был приبلудным,
Не отыскавшим истину в вине?..

* * *

Загнала коней на переправе,
Ускакала к чёрту на рога,
Вероломной ветреной ораве
Лету нет на эти берега.

Хороводит зарево над взморьем,
Ураганом вихрится уран,
За буквально каждым Лукоморьем,
Что ни кот — то академик РАН!

В напряженье зрения и слуха,
Под зловещим бдением огней
Чумовая, стало быть, житуха —
Ни к чему замыливать коней!

Чутко бдят ночевьями и днями,
Ворога не пустят ко двору,
Позвенят пудовыми цепями,
Поскребут дубовую кору.

Никуда не денешься от грусти,
Не изжить старинную вину,
Где-то в Тридевятом захолустье
Кот Баюн завоюет на луну...



* * *

Упрям лейтмотив, современна старинная повесть,
Коснулись бумаги, материю духом поправ,
Беспечные пальцы, забыв предрассудки и совесть,
Чтоб чахлый читатель запутался в логике глав.

Парадные лестницы тонут в прелюдиях света,
Но документален знобящий ночной монохром,
Горит неопально на прошлом грядущего мета,
Взрывая античность, гремит примиряющий гром.

Так царства рождались и гибли империи плоти,
И летопись вечности кровью стекала с листа...
Над «Страшным судом» Микеланджело Буонаротти
Незримо склонялась вселенская милость Христа.

А люди взирали с высот временных колоколен,
Судили-рядили, любуясь раздольем окрест,
И вдруг понимали: конец неизбежно околел,
Но не донесён исторически выбранный крест.

Содержание

«Отдается разлука в виски...»	3
«Так жесток наш милостивый крах...»	4
«Я несу до последнего вздоха...»	6
«Почему так гулко в голове...»	7
«Горчит побережная ива...»	8
«Опять болит Адамово ребро...»	9
«Однажды вкусившая волжской воды...»	10
«Сжала сердце в кулак и отжала от горестной крови...»	11
«Куда держу последний путь...»	12
«Он исчезнет за полустанком...»	13
«Я склоняю покорно главу...»	15
«Твой приговор: помиловать нельзя...»	16
«Не одолела одолень-трава...»	17
«Неужели я вправду сходила с ума...»	19
«Бросаю сермяжное вето...»	20
«Твой отец тобою был бы безумно горд...»	22
«Лобзаю длань владыческому гневу...»	23
«Рядом с Вами беда — не беда...»	24
«Датский принц — российский великий князь...»	26
«Поэзия — путь одиночеств...»	27
«На бранной жатве колосом пребудь...»	28
«На дерзновенные разборки...»	29
«Держу удар, но противоударный...»	30
«Нарушая устои порядка...»	31

«Не расстанусь с угрюмым накалом...»	32
«Испокон веков длится сей полон...»	34
«Распевные метели...»	35
«Омыта бутафорскими слезами...»	36
«Вы-то вольницы мне, затворнице...»	37
«Дайте воздуха, дайте простора...»	38
«Улыбнись, печальная Диана...»	39
«Москва меня, увы, не ждёт...»	40
«Не ревнуй поэта-маму...»	41
«В литературной адовой среде...»	42
«Когда-то давно, между прочим...»	43
«Этот злой и весёлый гений...»	44
«Рифмовать ты умеешь, а толку...»	45
«О тебе в прошедшем времени...»	47
«Парадоксально, грубо, странно...»	48
«В будуаре спит одежда...»	49
«Небесный свод покоен и покат...»	50
«На царском троне смута-самозванка...»	51
«Я уйму отчаянье сердечное...»	52
«Испепелён послушливостью долгой...»	53
«Остуди наши страсти, Остудин...»	54
«В родной стране и мире целом...»	55
«Я возьму на ладони усталое сердце твоё...»	56
«С молодых ногтей не зная лучшей доли...»	58
«Уходящий мой, неизбывный мой...»	59
«Очередная чокнутая муза...»	61
«Я супротив свиданий в Интернете...»	62
«Погас фонарный зябкий свет...»	63
«Не гоношись, предательства молва...»	64
«Мне стремглав бежать — да некуда...»	65
«Выходит месяц из небесных ножен...»	66
«Загнала коней на переправе...»	67
«Упрямя лейтмотив, современна старинная повесть...»	69

Елизавета Сергеевна Курдикова
Возбранная кровь

Редактор Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Вёрстка — Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева
Обложка и фото Нелли Макаровой:
@nellimakarova888

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 1.07.2020 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № 12135

ISBN 978-5-907297-29-6



9 785907 297296